

УДК 316.2

ИННА ГОЛОВАХА-ХИКС,

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф.Рыльского НАН Украины

**На стыке социологии и фольклористики:
Роль “Первісного громадянства”
Екатерины Грушевской в развитии
социогуманитарной науки в Украине**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению истории украинской социальной и гуманитарной мысли 1920–1930-х годов. Этот этап в развитии социальной и гуманитарной науки в Украине отличается тенденцией объединения фольклористики, этнографии и социологии в теории и на практике. В частности, данный тренд воплотился в деятельности фольклориста, социолога и этнолога Екатерины Грушевской и содержании созданного ею журнала “Первісне громадянство”. Проблематика публиковавшихся в нем статей и исследований поныне остается актуальной и может послужить почвой для развития более тесной связи между социальными и гуманитарными отраслями отечественной науки.

Ключевые слова: *Екатерина Грушевская, украинская фольклористика 1930-х годов, история украинской социологии 1920-х годов, “Первісне громадянство”, малая группа*

На ежегодном заседании Американского фольклорного общества (AFS) в октябре 2010 года наибольший интерес вызвал доклад на пленарном заседании социолога и фольклориста Гарри Алана Файна “Фольклор малого: малые группы и сфера профессионального знания”. Докладчик настаивал на том, что фольклористам для понимания и анализа современного общества следует осознать, что именно малые группы являются мотивационной средой для создания и трансляции традиции и традиций. Он убежден в необходимости изучения фольклористами общества путем анализа традиций и устных практик малых (а точнее профессиональных) групп, например кули-

наров, парикмахеров и др. Исходя из его концепции, в каждой подобной среде имеются “специалисты” по традициям группы, которые становятся медиаторами-посредниками между “профессиональной” группой, “непрофессионалами” (аутсайдерами) и другими профессиональными малыми группами. Такие малые группы имеют общее прошлое, будущее и традиции, формирующиеся в процессе постоянного профессионального общения. Благодаря такого рода “экспертам” и функционирует общество [Fine, 2010: p. 3].

Этот доклад не случайно привлек особое внимание фольклористов. Уже несколько лет изучение не исполнителя, текста или контекста, а именно общества (через его малые группы, общественные и политические акции и события) доминирует в американской фольклористике. То, что традиционно было объектом исследования социологии, становится сферой интересов фольклористов. Явления повседневной жизни (социальные нормы, этикет, политика, социальное поведение и т.п.) анализируются как фольклорные традиции. Умение анализировать символы и знаки определенного социума под углом зрения традиции ценится не только в научной теории, но и в практической жизни. Интересным примером может служить работа американских фольклористов и антропологов на свалках в Иране, а также анализ граффити в Багдаде и Кабуле с целью понять, как население определенного района относится к американцам. С той же целью анализируются и граффити в опасных районах США и странах Латинской Америки.

Эти тенденции не случайны. Так сложилось, что американская фольклористика в течение последних десятилетий развивается в тесной связи (если не сказать, под давлением) социальных наук. Американская фольклористика первой половины XX века развивалась в двух основных направлениях: фольклористы-антропологи (которые базировали собственные исследования на изучении традиций неграмотных индейцев) и “литературные” фольклористы, считавшие, что сферой исследования должны быть исключительно традиции иммигрантов из европейских стран. Оба направления соглашались с необходимостью изучать фольклорные традиции афроамериканцев. Фольклористы-антропологи изучали индианские тексты в качестве ключа к пониманию народа, являющегося носителем этих традиций. С течением времени заинтересованность перешла от сугубо текстов к социокультурному контексту (труды В.Пауэл, Ф.Боаса, Б.Малиновского, Э.Сепира). Постепенно формировалась фольклористика, в которой человек, его поведение, этнос и общество в целом становились объектом исследования гораздо чаще, чем тексты, которые они воспроизводили, и жанры, к которым эти тексты относились. На современном этапе уже сформировалась философия фольклористики, когда фольклористы считают наиболее важным изучение фольклорных элементов социальной жизни. В результате этого изучение определенных социальных групп и их традиций становится не просто сферой интересов фольклористов, но и путем взаимодействия ученых разных отраслей: антропологов, психологов, криминалистов, социологов. Фольклористы, в свою очередь, анализируют явления повседневной жизни (социальные нормы, этикет, политику, социальное поведение и т.п.). Таким образом, балансирование на стыке фольклористики и социологии является трендовым направлением современной американской фольклористики. Концепции текста, жанра уже не актуальны и не используются в работах современных фольклористов. Современные фольклористы США

скорее изучают антропологию и социологию быта и фольклорные элементы социальной жизни. Тенденцию смещения исследовательского внимания от поисков фольклора к поискам фольклорного действительно легко заметить в современной американской фольклористике. На первый план выходит тенденция рассмотрения фольклора в социополитическом дискурсе: фольклор сексуальных, этнических, расовых меньшинств, фольклор политических группировок, здравоохранение и фольклор, экология и фольклор и пр. Фольклор изучают не с точки зрения текста, контекста или исполнительства, а в широком кругу социальной тематики: гендерные отношения, глобализация, идентичность, феминизм, коммерция. Алан Файн в конце своего доклада отметил, что он является синхронно фольклористом и социологом, но “социология для него — это наука, которая его кормит, а фольклористика — наука, в которую он влюблен” [Fine, 2010: p. 36].

В этой статье я хотела бы обратиться к истории украинской науки и рассмотреть тот этап ее развития, когда наблюдалось именно такое “объединение” фольклористики, этнографии и социологии в теории и на практике, и сосредоточиться на научной деятельности фольклориста и социолога начала XX века Екатерины Грушевской, для которой и фольклористика, и социология были науками, в которые она была влюблена и которые в силу исторических обстоятельств привели ее к ссылке и гибели в сталинских лагерях.

С 1938 года (а точнее, с момента ареста и ссылки) и до середины 1990-х годов имя Грушевской оставалось забытым, ее работы — малодоступными, а до 1960-х годов — запрещенными. Только в середине 1990-х и особенно в начале XXI века ее наследие стало возвращаться к фольклористам. Например, в 2004 году Институтом искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф.Рыльского НАН Украины были переизданы думы Екатерины Грушевской, и сегодня являющиеся основоположным корпусом текстов для изучения украинской эпики. На современном этапе жизни и творчества Грушевской посвящено несколько статей и монографий; одну из наиболее основательных издала в 2004 году И.Матяш. Однако до сих пор в среде фольклористов и социологов журнал “Первісне громадянство та його пережитки на Україні” и деятельность Грушевской как этнолога и социолога практически неизвестны, хотя большинство ее публикаций и идей все еще остаются значимыми как для фольклористов, так и для социологов.

Еще до появления “Первісного громадянства” Е.Грушевская активно работала как социолог. “В украинской прессе регулярно появляются ее обзоры англоязычного социологического журнала. В журнале “Україна” (1926 г., ч. 5) напечатана ее статья “Принципы морали в освещении французской социологической школы: Эмиль Дюркгейм. Воспитание моралью”... В 1930 году Екатерина Михайловна публикует рецензию на книгу Пауля Дескампа о научных разработках Международного социологического института первобытной культуры в Париже...” [Церковняк-Городецька, Малинська, 2008]. Однако в современных учебниках по истории фольклористики социально-этнологические исследования и разработки Грушевской не рассматриваются вообще, а в социологических пособиях и учебниках ее имя упоминают лишь в контексте генетической социологии М.Грушевского. Так, в пособии “Социологическая мысль Украины”, где много внимания уделено идеям социологии М.Драгоманова и М.Грушевского, “Первісне громадянство” и Екатерина Грушевская упоминаются всего одной фразой: “После возвращения в

Киев Грушевский не изменяет своим интересам к социологии и сравнительной антропологии. Он создает при научно-исследовательской кафедре истории Украины специальный “Кабинет примитивной культуры”. Этот фактически первый историко-социологический центр в Украине под руководством дочери ученого Екатерины Грушевской, социолога по специальности, издавал... свой печатный орган “Первісне громадянство” [Степаненко, 1996: с. 296]. Почти так же скупо упоминается деятельность Грушевской и в учебнике “Социология” Н.Черныш: “Организации социологических исследований в учреждениях ВУАН посвящает свою деятельность М.Грушевский, вернувшись в Украину в 1924 г. Ближайшими его сотрудниками выступают О.Гермайзе, П.Клименко, дочь Екатерина Грушевская. Кабинет примитивной (то есть древней) культуры, которым она руководила, исследует вопрос генетической социологии и с 1926 г. издает ежегодник “Первісне громадянство”” [Черныш, 2009: с. 114].

Но именно 20-е годы XX века стали важной вехой в истории развития украинской социогуманитарной научной мысли. Работы Екатерины Грушевской и других авторов “Первісного громадянства” подняли отечественную науку на принципиально новый уровень. Екатерина Грушевская обращалась в своих статьях к темам, наиболее актуальным в мировой антропологии, социологии и этнологии, базируя европейские теоретические концепции на украинском фольклорном материале. Ее рецензии на работы зарубежных исследователей имели своей задачей привлечь внимание отечественных фольклористов к наиболее интересным концепциям в гуманитарной и социальной сфере, а журнал “Первісне громадянство” оказался первым изданием, в котором украинская фольклористика была представлена как сугубо теоретическая отрасль, а не только как место издания полевых материалов. Волею судьбы к середине 20-х годов XX века украинские исследователи фольклора видели свое призвание преимущественно в фиксации как можно большего количества фольклорных текстов, игнорируя их анализ. В первую очередь это было связано с политическими обстоятельствами и запретом писать и издавать научные комментарии на украинском языке и с желанием украинской интеллигенции сохранить язык, хотя бы фиксируя оригинальные фольклорные тексты. Кроме того, собирателям второй половины XIX века было присуще романтическое отношение к народу и его творчеству, желание видеть в текстах историческое прошлое, чем объясняется интерес собирателей преимущественно к думам, историческим песням и эпическим жанрам. Научные комментарии в таких случаях были всего лишь приложением к зафиксированным текстам, а огромные массивы собранного материала оказывались не фундаментом для развития теории, а архивным достоянием. Поэтому работы, опубликованные в журнале, который возглавляла Екатерина Грушевская, как и ее наследие, служат для современных исследователей примером того, что украинская гуманитарная наука в 20-х годах прошлого века стала развиваться на уровне мировых стандартов, и научные интересы наших предшественников были связаны с мировыми тенденциями.

Репрессии и преследования всего связанного с социологией в начале 1930-х годов, уничтожение передовых ученых и закрытие всех печатных органов, кабинетов и учреждений ВУАН — все это положило начало длительному застою в социологии, фольклористике и этнологии. Современная исследовательница украинской фольклорной прозаической традиции

А.Брицына утверждает, что публикация в “Этнографическом вестнике” (см.: [Етнографічний вісник, 1930, кн. 9: с. 2]) программной статьи, в которой осуждались как “вражеские” этнологические и антропологические тенденции в науке, а также “отбрасывались” буржуазные идеи К.Дюркгейма и Л.Леви-Брюля, оказалась началом тенденции превращения оживленной и бурной научной жизни конца XIX — начала XX века в досадное однообразие в ее дальнейшем развитии [Брицына, 2010: с. 60]. И.Матяш в своей монографии, посвященной Екатерине Грушевской, подытожила: “Идеологический режим 30-х годов XX века, подчинивший своим задачам науку, одной из примечательных черт имел преследование украинства. Начало 1930-х годов было отмечено ликвидацией гуманитарных учреждений ВУАН...” [Матяш, 2004: с. 108]. Н.Черныш, рассматривая историю отечественной социологии, отмечала: “После 1930 г., в условиях притеснения украинской науки, политики террора и репрессий против ее представителей, заинтересованность социологическими исследованиями значительно слабеет. Социологические учреждения ликвидируются, исследователей старшей генерации физически уничтожают...” [Черныш, 2009: с. 116].

Акцент на литературной модели изучения фольклора, сформировавшийся в украинской фольклористике второй половины XX века, обусловлен именно тем, что антропология, психология и социология не оказывали влияния на развитие отечественной науки. Только в 1920-е годы фольклористы и этнологи начали акцентировать внимание на антропологических и социальных концепциях. Однако концепция “пралогического”, выдвинутая Люсьеном Леви-Брюлем, хоть и повлияла в свое время на работу Кабинета примитивной культуры и появление “Первісного громадянства”, в 30-е годы прошлого века также была осуждена и выброшена из науки. Исторические судьбы работ Леви-Брюля и передовых украинских фольклористов 1920–1930-х годов в значительной мере похожи. Идеи Леви-Брюля и Дюркгейма в Советской Украине осуждались как враждебные и запрещались наряду с другими “буржуазными” течениями в этнологии и фольклористике. В советское время монография Леви-Брюля “Первобытное мышление” была издана всего однажды в издательстве “Атеизм” в 1930 году. До 1994 года труды Леви-Брюля не издавались. Любопытно отметить, что на Западе его идеи также были раскритикованы как регрессивные, а упоминать его имя и ссылаться на его труды стало непопулярным. Но так или иначе именно идея “первобытной души” и концепция “пралогического” оказали сильнейшее влияние на работы Екатерины Грушевской, на развитие генетической социологии в Украине и на труды М.Грушевского и его последователей.

Екатерина Грушевская возглавила журнал “Первісне громадянство і його пережитки на Україні”, который был основан как печатный орган Кабинета примитивной культуры, в 1926 году (тогда же в свет вышел первый выпуск журнала). На титульной странице первого выпуска была сформулирована главная цель издания: “Народное творчество в социологическом освещении”. И.Матяш, характеризуя место журнала в отечественной науке, писала: “В определенной мере журнал реализовывал идею не изданного в эмиграции “Річника Українського соціологічного інституту”... В отличие от большинства изданий подобного рода, журнал был основан не для публикации полевого этнографического материала, а для публикации исследований украинских и зарубежных ученых — этнологов, социологов, историков...

Лозунгом журнала был призыв, лучше всего соответствовавший его основной направленности: “Давайте изучать себя, свой народ, его психологию, его прошлое!” [Матяш, 2004: с. 97–99]. Издание продолжалось с 1926 до 1929 года, всего свет увидели восемь выпусков журнала, в рукописях остались планы и статьи, которые должны были увидеть свет в следующих номерах за 1930 год. На страницах издания печатались дискуссии по самым актуальным социоантропологическим и этнологическим вопросам, статьи, посвященные рудиментам примитивного в украинском фольклоре, быте и социальной жизни, много внимания уделялось украинской демонологии (теме, позже на долгие годы забытой украинскими фольклористами). Редакция “Первісного громадянства” ставила своей задачей ознакомить украинских исследователей с актуальными статьями, концепциями и идеями западных антропологов и социологов (П.Риве, Л.Леви-Брюля, Э.Дюркгейма и др.). И.Матяш отметила, что особое место на страницах “Первісного громадянства” занимают рецензии Е.Грушевской на зарубежные труды: “Заслуживают внимания также рецензии исследовательницы на отдельные работы зарубежных авторов (Э.Гартленда, Э.Гранля, Э.Коскена, В.Остерля, М.Гастера, П.Сантвива, Э.Дюркгейма, А.Грдлички, А.Шахзабеля и др.) и этнологические журналы (“Karpfhatenland”, “The Sociological Review”, “Antropos” и др.). Таким образом журнал знакомил аудиторию с широко известными за рубежом трудами и профессиональными журналами, репрезентовал передовой опыт” [Матяш, 2004: с. 105]. Михаил Грушевский писал: “Детальное, возможно скрупулезное, методическое исследование украинского фольклорного, нового и ранее собранного материала под этим углом: реконструкции старого мировоззрения и социальных принципов при помощи литературного и бытового материала — выявление в нем пережитков старого мировоззрения и социальных отношений” [Грушевский, 1926: с. V]. Заслуга журнала заключается прежде всего в том, что в начале XX века внимание было сосредоточено на необходимости развития отечественной этнологии, во-первых, в связи с мировой наукой, а во-вторых, в непосредственной связи с социальными и гуманитарными отраслями.

Направления, получившие освещение в журнале, и темы, затрагиваемые исследователями, и сегодня остаются актуальными и недостаточно разработанными, по крайней мере в отечественной этнологии. Итак, рассмотрим наиболее значимые из этих направлений.

1. Во многих статьях и рецензиях ощущается сочетание фольклористики и социологии, применение методов социологического анализа в работе с фольклорным материалом. Примером могут быть статьи самой Екатерины Грушевской, в частности “О социологии нищенства” (вып. 3, 1926), “Дума о приключении на море попovichа. Предпосылки исследования обычаев, связанных со странствиями” (вып. 1–2, 1926) и одна из наиболее интересных в этом плане статей “Попытки социологического объяснения народной сказки...” (вып. 1/2, 1926), где Грушевская подчеркивает необходимость не только анализа литературной формы сказки, но и ее социологического анализа: “...во-первых, изучение сказки должно базироваться на точном определении ее социологической подоплеки и, во-вторых, — это определение должно быть как можно более точным, и исходный вариант должен обнаруживать связь с тем общественным установлением, которое в нем отразилось, в-третьих, полезнее всего начинать изучение со сказки примитивной и от нее под-

ходить шаг за шагом к сказкам европейских сборников, а не наоборот. Общее правило, что изучение социальных фактов следует начинать с наиболее примитивных форм, а не с более развитых, в полной мере касается и сказки, и хотя оно усложняет подготовительную работу в практике, зато позволяет избежать коренных ошибок в системе объяснений. Только на таким образом обоснованном, прочном, социологическом фундаменте должно, на наш взгляд, начинаться изучение построения сказки как литературного произведения. Подход же к основам через дедукцию всего, что может быть отнесено на счет литературной обработки, представляется нам опасным: после такой дедукции для “быта” может остаться очень мало! Литературные формы и средства тоже обусловлены социальными факторами, и отделять их от общего мировоззрения того гражданства, где они развиваются, для социологической задачи не полезно. Они тоже требуют отдельного социологического рассмотрения; попытки же чисто формального изучения сказки, не давая ничего для социологии сказки, и со стороны литературного изучения дают тоже не очень много” [Грушевська, 1926: с. 110–111]. Особого внимания также заслуживают статьи М.Грушевского “Возрождение Французской социологической школы” (вып. 1/2, 1926 год) и Ф.Савченко “Социология в понимании французской “новой демократии”...” (вып. 3, 1926).

2. Важной тематикой статей Е.Грушевской и других авторов издания было обращение к мировым антропологическим, этнологическим и социальным концепциям, популярным в то время, в частности интерес к “первобытному” и его проявлениям в современном обществе, быту и фольклоре. М.Грушевский в предисловии к первому выпуску издания заметил, что задачей журнала является изучение культурных и социальных пережитков примитивной культуры славян для лучшего понимания основы этих пережитков и их отражения в современных традициях [Грушевский, 1926, VIII]. Так, в “Первісному громадянстві” были изданы переводы статей П.Риве “Изучение человека (Антропология)” (вып. 1, 1928) и “Из начал человечества — люди из раскопов” (вып. 2, 1929), статья К.Копержинского “Яфетическая теория и ее значение для этнологии” (вып. 3, 1929), статья С.Савченко “Из современных пережитков. Маршал Фош и “прелогическое мышление” (вып. 1/3, 1927), статьи Е.Грушевской “К новым материалам о первобытном монотеизме” (вып. 3, 1928), “Вокруг дикарской души. По поводу дискуссии о книге Л.Леви-Брюля “L’ame Primitive”” (вып. 3, 1929), в которой автор подчеркивает, что самым ценным выводом этой работы является “констатация факта влияния социальных факторов на индивида, его зависимости от общественной структуры, как бы это ни называлось — традицией или коллективом” [Грушевский, 1929: 112] и др.

3. Ряд статей был посвящен изучению общин и разработке анкет-опросников для работы с исполнителями в этих общинах: Ф.Савченко “Этнографическо-экономическая анкета XVIII века на Слобожанщине” (вып. 3, 1929), Е.Грушевская “Об исследовании половых общин в первобытном обществе...” (вып. 1, 1929), “Из примитивного хозяйства. Несколько замечаний о средствах женской хозяйственной магии в связи с древнейшими формами женского хозяйства” (вып. 1/3, 1927) — с анкетами относительно тем “Распределение хозяйства между мужчиной и женщиной”, “Об употреблении голого тела как характерного магического средства в женском хозяйстве”; М.Грушевский “Подстригание и другие обряды, совершаемые над

детьми и подростками” (вып. 1/2, 1926) — с анкетой для записи обрядовых сведений; Л.Шевченко “Обычай, связанные с закладкой строения” (вып. 1/2, 1926) — с опросниками “Выбор места под дом”, “Закладка дома”, “Переселение в дом”. Между прочим, остановка разработки анкет-опросников в значительной мере осложнила собирательную работу фольклористов и этнографов. Современной фольклористике особенно недостает опросников для полевой работы в городских и “маргинальных, мобильных” сообществах. Фиксация и изучение городского фольклора в украинской фольклористике замедляются именно тем, что не существует никаких теоретических оснований изучения специфики городских сообществ, в частности временных маргинальных, формирующихся под влиянием определенных социальных событий. Подобного рода сообщества формируются на непродолжительное время, из случайных носителей, объединенных не территориально, а единым желанием поддержать или опротестовать что-либо. Главными их чертами являются временность, маргинальность, мобильность и открытый характер. Чаще всего они формируются в условиях изменений в обществе, значительных политических, социальных протестов, культурных и спортивных событий. Им свойственна своя специфика устной трансмиссии, особенности функционирования отдельных жанров и мотивов, по своей природе они приближены к городским сообществам. Следует также помнить, что тексты “мобильных сообществ” так же быстро выходят из активного обращения, как и рождаются и распространяются. Существенная разница между такими фольклорными сообществами, как сельское традиционное и городское, заключается в стабильности первого и стихийности, спонтанности возникновения и недолговечности последнего. Городские фольклорные сообщества, как правило, образуются из случайных носителей традиционного знания, которые при определенных обстоятельствах объединяются для реализации общих планов и интересов (профессиональные, студенческие, школьные общности, клубы, молодежные группировки и т.п.) или находятся вместе по необходимости, вынужденно (тюрьма, больница и т.п.). Мы все на определенном этапе становимся членами малых групп, носителями локальных фольклорных традиций. Каждый житель города может быть одновременно членом многих малых групп или самодостаточным индивидом и оставаться при этом носителем традиционного знания. В отличие от сельского, городское фольклорное сообщество характеризуется нестабильностью. Именно поэтому большей активностью характеризуются малые фольклорные формы: частушки, анекдоты, “кричалки”, “перепалки”, граффити, народные стихи, баллады. Для фиксации такого рода традиционных текстов и работы с исполнителями нужно иметь особую “программу” записи и специальные методы работы с исполнителем.

4. В “Первісному громадянстві” также инициировались терминологические и дисциплинарные дискуссии (интересно, что разработка терминологического аппарата и уточнение рамок дисциплины до сих пор относятся к важнейшим проблемам современной отечественной и мировой фольклористики). В статьях К.Копержинского “К вопросу о систематике и терминологии в народоведении: Несколько замечаний о современном понимании терминов: антропология, народоведение, этнография и фольклор...” (вып. 2/3, 1928), Е.Грушевой “Два центра этнологической науки” (вып. 2/3, 1928) и П.Риве “Изучение человека (Антропология)” (вып. 1, 1928) подни-

мается вопрос систематизации терминов в социогуманитарной сфере. Например, в американской фольклористике эти вопросы в течение последних лет остаются главной тематикой обсуждений на пленарных заседаниях и круглых столах ежегодных конференций и семинаров.

Итак, “Первісне громадянство”, хоть и существовало совсем недолго, было практически единственным изданием, в котором украинская этнология, фольклористика и социология пережили подъем, поскольку к 1920-м годам были заложены лишь основы украинской социологии и фольклористической теории, а после 1936 года, когда социологию “ликвидировали”, фольклористика долгое время развивалась в отрыве от каких-либо социальных концепций. Во введении к сборнику статей “Фольклор малих соціальних груп: традиції і сучасність” справедливо отмечено: “В рамках социокультурного подхода к фольклору обнаруживается продуктивность его анализа с точки зрения теории социальной стратификации, когда каждое общество — начиная с традиционного и до постиндустриального — рассматривается как сложная социально-этническая система. В данной системе каждая социальная общность имеет собственные представления о мире, собственные ценности и собственный фольклор. И понятно, что такая ситуация не может не дифференцировать фольклорное творчество... в зависимости от его принадлежности к определенной социальной группе и классу...” [Введение, 2008: с. 6]. Екатерина Грушевская и ее последователи и единомышленники отмечали этот феномен фольклора в своих статьях еще сто лет назад. Проблематика статей и исследований “Первісного громадянства” и сейчас еще остается актуальной и может послужить почвой для развития более тесных связей между социальными и гуманитарными отраслями отечественной науки.

Источники

Брицьна А. Проблемное поле современной украинской фольклористики / А. Брицьна // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. материалов. — М., 2010. — С. 60–67.

Введение // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность : сб. науч. статей. — М., 2008. — С. 5–6.

Гарасим Я. Нариси до історії української фольклористики / Гарасим Я. — К. : Знання, 2009.

Горинь В. Катерина Грушевська: талан чи доля... [Електронний ресурс] / В. Горинь // POSTUP — ПОСТУП. — 2000. — № 108 (552), 27 черв. — Режим доступу : http://postup.brama.com/000627/108_9_1.html.

Грушевська К. До взаємин між загальним і спеціальним народознавством (З приводу статті Viktora von Gerfmiba der deutschen Volkskunde) / К. Грушевська // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 1/2. — С. 1–35.

Грушевська К. Дума про пригоду на морі поповича. Причинок до дослідження звичаєв, пов'язаних з подорожуванням / К. Грушевська // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1928. — Вип. 2–3. — С. 110–114.

Грушевська К. З примітивної культури. — К.: Україна, 1924.

Грушевська К. З примітивного господарства. Кілька завважень про засоби жіночої господарчої магії у зв'язку з найстаршими формами жіночого господарства / К. Грушевська // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1927. — Вип. 1–3. — С. 74–85.

Грушевська К. До нових матеріалів про первісний монотеїзм / К. Грушевська // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1928. — Вип. 3. — С. 27–33.

Грушевська К. Навколо дикунової душі. З приводу дискусії над книгою Леви-Брюля *L'ame Primitive* / К. Грушевська // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1929. — Вип. 3. — С. 27–33.

Грушевська К. Спроби наукового об'яснення народньої казки. З приводу книги: P. Saintyves. *Les Contes de Perrault et les recits parallels. Leurs origines (Coutumes Primitives et Liyurges Populaires.* — Paris : Libraire critique. E.Nourri, 1923. — С. XXIII + 646 // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 1/2. — С. 96–111.

Грушевський М. Вступне слово / М. Грушевський // Первісне громадянство. — 1926. — Вип. 1/2. — С. III–VIII.

Грушевський М. Відродження Французької соціологічної школи / М. Грушевський // Первісне громадянство. — 1926. — Вип. 1–2. — С. 112–117.

Етнографічний вісник. — 1930. — Кн. 9. — С. 2.

Кондратик Л. Проблема періодизації історії української соціологічної думки / Л. Кондратик // Науковий вісник Волинського державного університету ім. Лесі Українки. — 2006. — № 3. — С. 132–138.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Леви-Брюль Л. — М. : Атеист, 1930.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Леви-Брюль Л. — М. : Педагогикапрес, 1994.

Малик Я.Й. Катерина Грушевська : текст лекції з курсу політичної історії України / Малик Я.Й. — Львів, 1991.

Матяш І. Катерина Грушевська. Життя і діяльність / Матяш І. — К. : Україна, 2004.

Матяш І.Б. “Первісне громадянство” — перший науковий етнографічний часопис в Україні 20-х років ХХ ст. / І.Б. Матяш // Рукописна та книжкова спадщина України. — 1996. — Вип. 3.

Матяш І. “Зірка першої величини”. Життєпис К.М. Грушевської / Матяш І. — К., 2002.

Полонська-Василенко Н. Жінки в науці / Н. Полонська-Василенко // Видатні жінки України. — Вінніпег-Мюнхен, 1969.

Полонська-Василенко Н. Історична наука в Україні за совєцької доби та доля істориків / Н. Полонська-Василенко // Збірник на пошану українських учених, знищених большевицькою Москвою / за ред. М. Овчаренко. — Париж, 1962.

Савченко С. З сучасних пережитків. Маршал Фош і “прелогічне мислення” / С. Савченко // Первісне громадянство і його пережитки на Україні. — 1927. — Вип. 1–3. — С. 67–73.

Степаненко В. М. Грушевський як історик-соціолог / В. Степаненко // Соціологічна думка України : навч. посіб. — К. : Заповіт, 1996.

Танан К. Рецензія на: Первісне громадянство та його пережитки на Україні 1927 р. / К. Танан // Червоний шлях. — 1929. — Вип. 1–3, 1 (10). — С. 281–283.

Церковняк-Городецька О. Катерина Грушевська — редактор часопису “Первісне громадянство” / О. Церковняк-Городецька, Н. Малинська. — К., 2008.

Черниш Н.Й. Соціологія : підруч. / Черниш Н.Й. — К. : Знання, 2009.

Юркова О. Діяльність Науково-дослідної кафедри історії України М.С.Грушевсько-го (1924–1930 рр.) / Юркова О. — К., 1999.

Fine A.G. The Folklore of Small Things: Tiny Publics and Realms of Local Knowledge / A.G. Fine // Lay and Expert Knowledge. 2010 : Annual meeting : Program and Abstracts. — 2010. — P. 36.

Kurasawa F. Primitiveness and the flight from modernity: sociology and the avant-garde in inter-war France / F. Kurasawa // Economy and Society. — 2003. — Vol. 32. — № 1, February. — P. 7–28.

Lowie R. The History of Ethnological Theory / Lowie R. — N.Y., 1937.